

Стефана Димитрова

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
(на материале русского и болгарского языков)

Экзистенциальные предложения в славянских языках обладают широкими семантическими возможностями и связываются с весьма разнообразными коммуникативными целями и заданиями. Это обуславливает их большую фреквентность в текстах. Уже один этот факт является достаточным основанием для того, чтобы к ним был проявлен активный интерес как лингвистами-теоретиками, так и преподавателями-практиками.

Экзистенциальные предложения нейтральны в стилистическом плане. Поэтому они появляются практически во всех видах текстов, выражая статические и динамические значения, например, русск. На улице лежит снег (На улице снег) и На улице идет снег.

По своей структуре на абстрактно-грамматическом уровне экзистенциальные предложения русского и болгарского языков совпадают. Они вписываются в рамки двух основных структур:

- а) локализатор-экзистенциальный глагол - имя бытующего предмета;
- б) имя класса предметов - экзистенциальный глагол - имя бытующего предмета.

Рассмотрим более подробно эти структуры. Их характеристика в значительной степени совпадает с характеристикой, предложенной Н. Д. Арутюновой и Е. Н. Ширяевым¹ на материале русского языка.

Локализаторы могут быть пространственными и личностными. Пространственные локализаторы очерчивают некие локальные параметры:

¹ Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. Русское предложение. Бытийный тип, Москва 1983.

В лесу (В соседнем лесу) много птиц. Личностные связаны с внешним или внутренним микромиром человека: У него новый дом - У него плохой характер.

В литературе обычно выделяется и тип локализатора, связанный с миром или вселенной в целом: В жизни так не бывает; В природе много непонятного; Везде и всюду он со мной.

В отрицательном варианте этих бытийных предложений появляется лексема нигде: Нигде на свете счастья нет.

К этим уже описанным типам нам бы хотелось добавить тип комбинированный, в котором сочетается представление о пространстве с представлением о времени. Он может иметь расчлененную структуру: Всегда и везде за тобой..., но эта структура может быть и компактной: Всю дорогу ты молчал.

Кроме локализаторов, в лингвистической литературе упоминаются квази- или псевдолокализаторы². Они имеют грамматический облик реальных локализаторов, но по своему семантическому содержанию не схожи с ними - они очерчивают определенную мыслительную область или некое событие, чаще всего абстрактного плана. Например: В вашей концепции много интересного; В нашей отчужденности не видно никакого просвета.

Локализаторы в русском и болгарском языках выражаются абсолютно однотипно³. Формальное различие можно усмотреть в том, что русский локализатор, как правило, стоит в предложном-местном падеже (если это субстантив), а в болгарском языке значение выражается только предлогом. Но поскольку это формальное различие существует и проявляется последовательно при наблюдении над русскими и болгарскими предложениями, в наших рассуждениях им можно пренебречь. Оно не релевантно для сопоставления основных бытийных структур в целом. Тем более, что характеристика локализаторов дается обычно по предлогам пространственного значения в, на, при. Эти же предлоги, не только совпадающие по значению, но и по звучанию, употребляются и в болгарском языке.

² Г. А. Золотова, К вопросу об объекте синтаксических исследований. "Известия АН СССР" 1979, т. 38, Серия литературы и языка, № 1.

³ М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский, Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке, Москва 1982.

Во второй основной структуре вместо локализатора появляется имя класса предметов. Имя класса предметов тоже имеет существенный формальный признак - его актант начинается предложениями среди, между: Был ли среди вас кто-нибудь счастлив? Кроме того, этот актант может оформляться при помощи выражения в числе + род. п. Точно таким же способом оформляется в болгарском языке имя класса предметов. Разумеется, остается в силе прежняя оговорка: в болгарском языке отношения выражаются только аналитически, на базе предлогов из/между, сред, в числото на. Как в русском, так и в болгарском языке актант имени класса предметов может распространяться при помощи кванторов типа русского некоторый - болгарского някай, русского этот/тот - болгарского този/онзи.

Имя бытующего предмета отличается следующими двумя особенностями:

а) оно для слушающего всегда лишено конкретной референции; оно дает слушающему только абстрактное понятие о предмете. Например, У меня в комнате чистота;

б) имя бытующего предмета, как правило, выступает одно, без распространителей. Но даже если они появляются (чаще всего в виде прилагательных), они уточняют и конкретизируют значение имени бытующего предмета, не придавая ему, однако, конкретной референции. Например, У Маши был огромный зеленоглазый кот.

Имя бытующего предмета в русском и болгарском языках ведет себя абсолютно одинаково и не представляет интереса для сопоставительных исследований. Основные конструктивные различия, связанные с поверхностными структурами экзистенциальных предложений, между русским и болгарским языком сводятся к особенностям употребления/пропуска экзистенциальных глаголов, а также к реализации негации в предложениях рассматриваемого типа.

В русском языке основными бытийными глаголами являются: быть, существовать, иметься, находиться. Им соответствуют четыре болгарских глагола: съм, съществувам, има(м), намира(м) се (вариант: нахождам се). Причем соответствие это распространяется не только на общность основы, но и на референтность. Глаголы существовать - съществувам и находиться - намирам се могут употребляться с референтным именем, а быть - съм и иметься - има - нет.

Поскольку ведущим экзистенциальным глаголом -нами признается глагол быть, то, по нашему мнению, и различия в его употреблении,

характеризуют основные расхождения между русским и болгарским языком в исследуемой области. Отметим, в частности, что выбор между формой есть и нулевым вариантом бытийного глагола может быть связан в русском языке с поддающимися четкому описанию различиями в семантике экзистенциальных предложений. В болгарском языке этот набор сильно ограничен. Нулевой вариант глагола подчиняется более строгим правилам и, следовательно, выражает строго определенные значения. Остановимся подробнее на этом вопросе.

В болгарском языке глагол съм соответствует русскому быть чаще всего в его употреблении в роли связки, например: Аз съм инженер. Обычно при нормальной коммуникации в русском языке эта связка в настоящем времени опускается: Я инженер. В русском языке существует омонимичный связочному бытийный глагол быть - он тоже может быть пропущен, но тут действует целый ряд строгих ограничений. В этой позиции ему соответствует уже не болгарское съм, а болгарский безличный глагол има или личный имам. В болгарском языке почти нет таких ситуаций, кроме переспросов, нестандартного усечения фразы, фрагментарного повторения и т.д., где можно было бы пропустить глагол има/имам. При любом коммуникативном задании по-болгарски мы говорим: Аз имам дъщеря. По-русски в зависимости от коммуникативного задания можно сказать У меня дочь и У меня есть дочь. При нормальной интонации пропуск связки аргументируется тем, что мы намерены сообщить собеседнику о факте, вовсе не стараясь убеждать его в истинности этого факта. Например, в ситуации:

А.: - Ну, рассказывайте, у кого какие дети выросли?

Б.: - У меня сын.

В.: - А у меня дочь.

Пропуск был бы почти невозможен в случае, когда собеседника нужно убеждать в истинности сообщаемого. Например:

А.: - У вас много свободного времени. Муж помогает, детей нет.

Б.: - Что вы, что вы? У меня есть дочь!

Отмечая, что пропуск был бы невозможен, мы имеем в виду молчаливо принятое условие: при нормальной, нейтральной интонации. Однако, новый интонационный рисунок может заменить пропущенный бытийный глагол: Что вы, что вы? У меня дочь! Здесь сема бытийности переносится на имя бытующего предмета благодаря вводу второй инстанции (логического ударения). Перенос семы бытийности может

быть осуществлен и изменением порядка слов: Что вы, что вы? Дочь у меня! Причем, во втором случае лексему дочь можно выделять, а можно и не выделять при помощи второй инстанции.

Такая процедура в болгарском языке практически невозможна, поскольку в рамках этого типа бытийных предложений в болгарском языке действует только дихотомическая схема. Пропуск в болгарском языке возможен только для глагола съм в качестве копулы, но этот факт не имеет отношения к теме наших рассуждений.

Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Ширяев считают, что при наличии нулевой формы событийного глагола семантика бытия содержится во всем предложении и не может быть приписана ни одному из вербальных компонентов. Мы можем согласиться с этим утверждением только для случаев, когда нет новых интонационных решений. Правда, говорить о том, что нет новых интонационных решений вообще не совсем корректно. Дело в том, что в каждом речевом акте существуют реальные и потенциальные возможности для новых интонационных решений всего корпуса предложений, уместных для данного акта. Но тут можно разграничить просто новые интонационные решения и интонационные решения, релевантные для выражения экзистенциальных отношений. Имея в виду только второй тип, мы позволяем себе в качестве операционального момента пренебречь первым типом.

Как в русском, так и в болгарском языке существует тип экзистенциальных предложений, в которых за обычной структурой локализатор - экзистенциальный глагол - имя бытующего предмета скрывается определенный облигаторный оценочный момент⁴. Чаще всего это предложения, в которых сообщается о наличии или принадлежности кому/чему-нибудь предмета или явления, которых по логике вещей в том локальном окружении или у этого именно поссесора не должно быть. Так, по своей оценочной характеристике предложения У верблюда горб и У Маши горб абсолютно разные. В первом случае сообщается о наличии закономерной и необходимой части тела животного, а во втором - об искривлении позвоночника, представляющего собой не очень отрадный факт.

Обычно в языке оценочные моменты выражаются коннотативными предикатами - ср.: К сожалению, он болен; Обидно, что вы не поз-

⁴ Категории бытия и обладания в языке, ред. В. Н. Ярцева, Москва 1977.

вонили; Жаль, что вы этого не поняли - и т.д. Что же касается рассмотренного типа бытийных предложений, то в них как в русском, так и в болгарском языке почти никогда не вводится коннотативный предикат. Его пропуск сам по себе уже является фактом нормы.

Интересной областью сопоставительного исследования представляются экзистенциальные предложения с делексикализированными глаголами. По предварительным прикидкам представляется, что в большинстве случаев многим русским предложениям с делексикализированными глаголами, выражающими статические значения (стоять, лежать, находиться и т.д.), соответствуют болгарские предложения с глаголом имам.

Русские делексикализированные глаголы стоять и лежать употребляются в бытийных предложениях в довольно строго очерченном окружении: Ваза стоит на столе, а Книга лежит на столе. В обоих случаях утверждается наличие предметов на столе, но при этом учитывается расположение предмета в очерченном пространстве. Для болгарского языкового сознания этот второй момент - учет расположения предмета в пространстве в зависимости от его формы и от угла между его центральной осью и поверхностью земли не релевантен. Таким образом, в болгарском языке не возникает необходимость в делексикализации глаголов стоять и лежать и в замене ими глагола има или съм. По-болгарски будет так: На масата има ваза - или - Вазата е на масата; На масата има книга - или - Книгата е на масата.

Правда, процесс делексикализации происходит во всех языках, в том числе и в болгарском, но в другом звене языковой системы. В болгарском языке делексикализуется сильно глагол слагам и глагол поставям ("класть" и "ставить"). При коммуникативном задании сообщить только о месте передвигаемого предмета, в болгарском языке не различаются по смыслу глаголы слагам и поставям. По-болгарски будет одинаково возможно сказать: Слагам вазата на масата и Поставям вазата на масата. При этом стилистически более нейтральным будет предложение с глаголом слагам ("класть"), что не его исходному значению противоречит логике описываемого события.

Таким образом, можно убедиться, что в каждом предложении любого языка содержится информация двух планов: во-первых, информация, связанная с отражением явлений и процессов внешнего мира;

во-вторых, информация, связанная с отражением определенных особенностей структуры данного языка и языкового сознания его носителей.

Отличительной чертой всех славянских языков является активное употребление фазисных глаголов в экзистенциальном значении. Во всех славянских языках фазисные глаголы представлены цепочками типа начинаться - продолжаться - кончаться, появляться - исчезать - и т.п. Во всех славянских языках есть фазисные глаголы типа русского бывать, свидетельствующих о периодическом появлении бытующего предмета в данном локальном окружении, либо являющихся синонимами глаголов встречаться, попадаться и под., которые тоже в определенной ситуации могут быть экзистенциальными, хотя их и нельзя признать полностью делексикализированными.

Во всех славянских языках эти фазисные глаголы имеют однотипные темпорально-адвербиальные распространители типа раньше, прежде, часто, редко, постоянно, обычно и т.д.

Фазисные глаголы не исчерпывают своих возможностей появлением в бытийных предложениях. Они могут быть абсолютно с ними не связанными. Ср. следующие предложения: А у нас проливные дожди и А у нас начались (пошли, идут) проливные дожди.

По своей информативности они мало отличаются друг от друга - во всех речь идет о наличии проливных дождей. Но в диалоге:

А.: - Ну как, начнется когда-нибудь строительство нового корпуса?

Б.: - Началось!

глагол начаться вряд ли можно определить как бытийный. Здесь его основная сема начала действия выступает очень ярко, как противопоставление предыдущему застою, бездействию.

Так обстоит дело не только в славянских языках, но и в большинстве других индоевропейских языков.

Фазисные глаголы могут выступать и в интродуктивных предложениях, представляющих собой ответственное звено организации текста. В рамках интродуктивных предложений фазисные глаголы могут сильно приближаться к экзистенциальным, поскольку сами интродуктивные предложения чаще всего имеют форму бытийных. Типичным примером бытийно-интродуктивного типа предложений является огромное множество предложений по модели: Есть у меня один знакомый. Он работает у вас на заводе.

В интродуктивных предложениях обычно сообщается только о наличии/отсутствии определенного факта или события и содержится молчаливое обещание рассказать подробнее о нем. Это молчаливое обещание не всегда чувствуется слушающим, когда в качестве интродуктивного используется фазисный глагол, получивший характер экзистенциального. Так например, предложение У меня начались занятия может быть воспринято либо как интродуктивное - как обещание рассказать о занятиях, либо как единично-информативное, как простое сообщение о том, что занятия уже начались, что кончились, предположим, каникулы. В первом случае интродуктивность возможна при условии, что основная сема глагола начались будет бытийность, наличие, а лексема занятия имеет ярко выраженный рематический характер. При втором толковании ярко выраженную рематичность имеет фазисный глагол начались, отрицая тем самым пресуппозицию "А могли и не начаться".

В коммуникативном синтаксисе особое внимание уделяется проблеме актуализации предложения. Этот процесс находится в прямой зависимости от представления говорящего о степени осведомленности адресата речи. При актуализации бытийных предложений наблюдается частое выдвигание определенных актантов в актуально значимую позицию, интенсивное использование возможностей второй инстанции и еще ряд других приемов, отличающихся по своим конструктивным возможностям и по фреквентности появления в тексте. Для русского и болгарского языков очень характерным явлением представляется выдвигание в актуально значимую позицию имени бытующего предмета. Так например, русскому диалогу:

А.: - Что с Иваном-то случилось, совсем его не видно?

Б.: - Жена у него теперь, вот что. Женился парень и пропал. соответствует адекватный болгарский перевод с абсолютным совпадением лексем в бытийном предложении, причем только в бытийном. В других подведение позиций болгарских лексем под позиции русских сделало бы текст неестественным, с неадекватной организацией. Ср.:

А.: - Ама какво се случи с Иван, никакъв го няма?

Б.: - Жена си има вече, ето какво. Ожени се момчето и пропадна.

Процесс актуализации бытийных предложений в русском и болгарском языках совершается почти симметрично. Следует только подчеркнуть, что эта симметрия местами может быть относительной; речь идет о тех позициях, где актуализация в болгарском языке бази-

руется на употреблении артиклей, а в русском либо на некоторых элементах скрытой грамматики, в том числе и на пресуппозициях, либо на элементах поверхностных структур и в первую очередь на выдвигании. Но если эти процедуры принимают закономерный характер и в обоих языках проходят по строго определенным схемам, нет оснований считать их симметричность нарушенной.

Существует тип экзистенциальных предложений, содержащих так называемое событийное имя, например Завтра у него операция. Появление событийного имени в русском и болгарском языках различается - в русском языке оно является индикатором подразумеваемого экзистенциального глагола, в болгарском, наоборот, оно требует появления этого глагола в поверхностной структуре предложения.

Русское предложение Завтра у него операция может быть двусмысленным:

- 1) Завтра ему предстоит оперировать;
- 2) Завтра ему будут делать операцию.

Эта структурная двусмысленность в русском языке, естественно, снимается контекстом. Как ни странно, в болгарском языке пропуск глагола здесь невозможен, а двусмысленность почти такого же типа возможна. Болгарскому предложению Утре съм на операция тоже могут быть даны упомянутые два истолкования. Дело в том, что экзистенциальный глагол, появляясь в поверхностной структуре предложения, только организует его, но не содержит в себе индикаций о характере событийного имени, т. е. ничего нам не сообщает о том, является ли в нашем случае операция прямым объектом для вербально выраженного логического субъекта у него или же вербальная часть у него не отражает логического субъекта, и логический субъект мыслится неопределенно. Этот неопределенный логический субъект (врачи, кто-нибудь из врачей) является агенсом действия, связанного с событийным именем операция.

Следует отметить, что современные типологические сопоставления экзистенциальных предложений в славянских языках были бы невозможны без капитального труда американской лингвистики К. В. Чвани "О синтаксисе бытийных предложений в русском языке"⁵. На

⁵ К. В. Ч в а н у, *On the Syntax of BE-Sentences in Russian*, Cambridge (Mass.), 1975.

эту книгу было написано немало рецензий, она получила широкую популярность среди специалистов по синтаксису и семантике. В ней содержится убедительное описание различий между копулой и экзистенциальными глаголами, разработаны вопросы, связанные с синтаксической двусмысленностью, а также дана подробно и исчерпывающе лексическая спецификация глаголов быть и иметь. В работе К. Чвани впервые подробно описана падежная нейтрализация в рамках экзистенциальных предложений.

Наши наблюдения над экзистенциальными предложениями приводят к выводу о том, что в этой области можно заметить две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, расширяется круг глаголов, получающих в определенных ситуациях экзистенциальное значение и тем самым частично семантически опустошающихся. В разных языках эти глаголы не всегда совпадают, и это создает некоторые дополнительные трудности для сопоставительных исследований. С другой стороны, формулы экзистенциальных предложений как в русском, так и в болгарском языке все больше стандартизируются и, таким образом, создают определенный комфорт для типологических сопоставлений.

Университет софийский
Болгария

Stefana Dimitrova

О БАДАНИАХ КОНФРОНТАТЫВНЫХ ЗДАЊ ЕГЗЫСТЕНЦЈАЛНЫХ

(на материале језыка росјјского и булгарского)

Артекул завјера анализу здањ егзистенцјалных у језыку росјјским и булгарским у ујесу конфронтакывным. Зданя те под възгледом структуры логично-семантычнеј не wykазују истотных рѳнниц в obu порѳвываных језыках и реализују сѳијле окреслѳне схематы складниѳве. Силны контраст występuje natomiast na пласzczыźnie структуры повързхниѳвеј: језык росјјский и булгарский рѳнниа сје под възгледом регул уыця часоѳников егзистенцјалных oraz realizacji negacji в badаным typie здањ.

Charakterystyczną cechą wszystkich języków słowiańskich jest szerokie stosowanie czasowników fazowych w znaczeniu egzystencjalnym. Występują one najczęściej w zdaniach introdukcyjnych.

Struktura zdań egzystencjalnych w coraz większym zakresie ulega w obu badanych językach procesowi standaryzacji. Stanowi to czynnik ułatwiający prowadzenie badań typologicznych.